

Лит. газ. - 1993 - 15 дек. - с. 8.

ЕГО ВОЗРАСТ от древнего далека весьма, но Белинский как-то умудрился уже выпустить почти двести премьер! Мы знаем его спектакли — на сцене и телеэкране, его “просто фильмы” и прославленные фильмы-балеты, наконец, его телепередачи, его книги. А еще ведь у него были и цирковые программы, и знаменитые театральные “капустники”... А сколько коллегам этот взрывной, всегда переполненный самыми неожиданными идеями, этот эрудированный человек помог своими советами...

Только что состоялась премьера “Провинциального бенефиса”. Причем сделан фильм очень быстро. Белинский уточняет:

— Восемнадцать дней снимали в павильоне и двадцать четыре — на натуре: в Плесе и Костроме...

— Почему взялись именно за эту ленту?

— Потому что люблю воспевать старый русский театр, его актеров. Помните, были у меня и “Лев Гурьч Синичкин”, и “Театральная история”. Поставить “театральные” пьесы Островского тоже мечтал всю жизнь. А тут как раз выпал случай объединить их, сделать как бы оригинальные сюжеты из трех пьес — “Леса”, “Без вины виноватых”, “Таланты и поклонники”. Но ни одного слова Островского я не менял.

— Сценарий писали специально “на Вишневу”?

— Да, специально. Идея фильма с Галиной Павловой мучила меня давно. Два года назад, находясь в Париже, предложил ей замысел “Провинциального бенефиса”. Получив одобрение, засел за сценарий...

— Трудно было на съемочной площадке работать с мировой ЗНАМЕНИТОСТЬЮ?

— Наоборот! Это уникальный профессионал!

— Что, без всяких “заграничных” капризов?

— Да никакая она не “заграничная”. Она глубоко русская, дочь Кронштадта и Петербурга. Работать с ней — Господний подарок... Для меня этот фильм прежде всего является творческим возвращением Галины Павловой на родину. Уверен: ее карьера, когда-то блистательно начатая здесь, столь же блистательно будет на родине и продолжена. Мечтаю сейчас снять с Галиной Павловой фильм по пьесе Александра Касона “Деревья умирают стоя”.

— В вашем нынешнем фильме вообще ведь великолепный актерский ансамбль.

— На этих артистов в пору молиться: Владислав Стрелечник, Владимир Самойлов, Леонид Куравлев... А из молодых — Анжелика Неволина, Александр Лазарев-Медведев. Работалось с ними дивно. Постарайтесь сделать “про русских актеров” еще одну картину — по рассказам Куприна, и обязательно будут там играть Стрелечник, Самойлов, Ульянов...

— Как хорошо, что есть у вас наконец-то свое большое дело — кинокомпания “Аккорд-фильм”, что вы там художественный руководитель. Недавно посчастливилось увидеть очередной ваш фильм-балет — “Последнюю тарантеллу” по горьковской “Нуче”. Кстати, какой это у вас фильм-балет по счету?

— Тринадцатый. Признаться, делал его с большим “аппетитом”. Впервые танец соединил со словом: вы помните — Басилавши читает канцоны Петрарки и сонеты Шекспира... Планы у нашей кинокомпания большие, но по своему у театра все равно скупо. Ведь человек-то я театральный.

— Почему же тогда ушли из Большого театра кукол?

— Потому что не терплю дразня... По отношению к этому коллективу у меня была твердая позиция: очень хотел сделать синтетический театр “Люди и куклы”. Там великолепная труппа, и мы понимали друг друга. Но нашлись три-четыре человека, которые потянули в другую сторону, а “бороться” я не умею совершенно. И тогда я ушел. Сам, меня к этому никто не принуждал. Теперь по ним тоскую. Очень тоскую...

— Жаль, что этот театр, первый с вами театр, получили вы поздно...

— “Поздновато”? Слишком мягко сказано. Только в шестьдесят — одновременно — получил и Государственную премию, и почетное звание, и пенсию, и театр.

— А я вас давно, еще лет тридцать назад, представлял только главным режиссером и почему-то в оперетте.

— Знаете, я тоже всю жизнь видел себя именно главным, и именно в оперетте. И актеры нашего Театра музкомедии этого тоже хотели, но, увы, городское на-

чалство подобных чувств явно не разделяло. Так что не судьба... А сейчас и поздно, ди и петербургская “музкомедия” сколько уже лет бездомна. Хотя не скрою: если бы мне такое место предложили, если бы дали театру помещение — ради этого бросил бы все.

— Но, с другой стороны, можно ли в наше время опереттой потрясти мир?

— Можно. Я человек старомодный и уверен, что этот жанр себя абсолютно не исчерпал. Сделал бы спектакли, с которыми можно было бы объехать весь белый свет.

— И чем же ваш театр так уж отличался бы от других подобных?

— Тремя особенностями. Во-первых, высочайшим уровнем музыки. Я бы не ставил ту поденщину и макулатуру, которой сейчас на опереточной сцене избыток. У меня бы на афише были Легар, Кальман, Гаврилин, Свиридов, Петров...

— Даже Дунаевский не попал бы?

— Дунаевский бы попал в первую очередь, если бы хоть одну его оперетту можно было нынче осуществить на сцене. Жуткие же либретто! Например, поставить сейчас “Вольный ветер” — это почти все равно, что “Поднятую целину”. Во-вторых, мой театр отличался бы очень высоким уровнем хореографии: молодые талантливые хореографы у нас есть, а может, и самого Джерома Роббинса можно было пригласить — благо, мы знакомы. В-третьих — и это главное, — у нас был бы высокий исполнительский уровень — тот уровень, который вообще всегда отличал русский музыкальный театр. Знаете, например, кто пел на премьере Сильву? Елизавета Ивановна Тиме — да-да, та самая, из “Александринки”! А знаменитым Менеласом в “Прекрасной Елене” был Константин Александрович Варламов... Кстати говоря, такой театр вполне мог быть и с гастролерами. Представьте, если бы роль комика спел и сыграл, допустим, Николай Трофимов, а Периколу — Алиса Фрейндлих. А Сергей Лейферкус, который сейчас гастрوليрует по оперным сценам мира: он же потрясающий опереточный артист! Возможности огромные, но нужен организатор, нужны деньги (потому что зата “богатая”), и нужно помещение. А что у нас творится с помещениями?! Я бы очень хотел встретиться с Анатолием Александровичем Собчаком, чтобы объяснить — популярно, с адресами, — как можно возродить несколько петербургских театров...

— Знаю, что вам выпало счастье общаться с интереснейшими людьми. Какие же встречи особо запомнились, определили ваши вкусы, интересы?

— Перечислять можно без конца. Из режиссеров старшего поколения это Владимир Платонович Кожич, Павел Карлович Вейсбрем и Николай Павлович Акимов. Ни и, конечно, Георгий Александрович Товстоногов, которого считаю своим учителем, хотя “официально” никогда у него не учился. Из актеров самое большое влияние оказал на меня Аркадий Исаакович Райкин, с которым долгие годы мы не просто дружили, но и вместе работали, осуществляли в его театре шесть спектаклей. А встречи с Николаем Константиновичем Симоновым... А мои близкие друзья, вместе с которыми столько сделано — на сцене, на экране: Сережа Юрский, Наташа Тенякова, Алиса Фрейндлих, Владислав Стрелечник, Олег Басилавши, Паша Луспекяев — этот список можно продолжать и продолжать. Из последних потрясших меня актерских встреч — Юлия Константиновна Борисова (я у них, в вахтанговском, поставил “Стакан воды”). В писательском мире особенно добрые отношения были с Верой Федоровной Пановой и Валентином Петровичем Катаевым (который даже по собственному желанию стал редактором моей книги). Ну, а Александр Моисеевич Володин — друг, ближе которого у меня просто нету. Из композиторов — конечно, Шостакович: когда-то поставил его балет “Барышня и хулиган”. Затем — Георгий Васильевич Свиридов, с которым дружу очень давно и мечтаю поставить его оперетту, единственный клавиш — у меня...

— Оперетта у Свиридова?! Впервые слышу.

— И никто этого не знает. Написана больше сорока лет назад, называется “Девушка из провинции”... И еще музыкант, без которого просто не умею работать, — Валерий Гаврилин. А дальше идут уже чисто балетные друзья: тут и Уланова, и Максимова, и Васильев, и Колпакова, и Зубковская...

— Н-да, вам позавидуют! Но ведь и на рождество повезло: Миронова, Менакер...

Александр БЕЛИНСКИЙ:
“Наполни смыслом каждое мгновение...”

— Александр Семенович — двоюродный брат моей мамы. Так что и Кирилла Ласкари, и Андриюну Мионову я просто-напросто встречал в родительском доме. С Андреем духовно близки были мы очень, и “Бешеные деньги” в Театре сатиры брат поставил по моему совету. У него было идеальное чувство юмора, и он найдет мой, например, злородно смеялся по поводу того, что не умею модно одеваться, что всегда, когда ем, пачкаю костюм. Снять его успел, увы, только в “Льве Гурьч Синичкине” да в “Летучей мыши”. Ах, как Андрияну любил наш Петербург!

— А вы? Могли бы променять его, ну, скажем, на Париж?

— Что вы! Петербург люблю просто и с нормальными. И даже в Париже, о котором вы спрашиваете, обычно уже на девятый день от тоски по Питеру лезу на стену. Пройдите вдоль Невы, от Троицкого моста до Дворцового, оглянитесь вокруг: с этим же никакая Сена сравниться не может! Но разрывается сердце от того, что о сделали с нашим городом, от всей этой грязи, от скопища торговцев и шпаны на Невском. И все меньше остается людей, подобных Дмитрию Сергеевичу Лихачеву... Все мои предки лежат в Царском Селе на Казанском кладбище. Отец, дядя, тетя — все кончали Царскоесельское реальное училище. Там было правило: каждый год учащиеся восьмого класса играют “Ревизора”. И сохранилась фотография, на которой в роли Городничего — Аркадий Александрович, мой отец, а в роли Хлестакова — Сергей Федорович Глазунов, отец будущего художника.

— Интересно! А как вы относитесь к творчеству самого Ильи Сергеевича?

— Никак. Мало знаком с его искусством.

— Вот вы так любите Питер (даже в Москву, знаю, когда приглашали, переехать отказались), а ведь, между прочим, долгие годы были здесь, в определенном смысле, изгоем. Почему же местные власти вас так неуживобили?

— Из-за “капустников”. Мы же над ни-

ми издевались! И ведь началось это (подумать только!) в декабре 1950-го, в самый разгар “ленинградского дела” — когда на смольнинском троне сидел Андриянов, ставленник Маленкова и Берии, когда одни жертвы были уже казнены, а другие томилась в тюрьмах, в лагерях... “Капустники” — это были мои, как говорил мне Райкин, “звездные часы”. Правда, обком быстро потребовал, чтобы неспеские берега я покинул. Что ж, уехал на Север, потом — в Литву. Много там работал. А через два года вернулся — и наши актерские “капустники” загремели с полной силой. Ах, какая была команда! “Первая сборная города”: Валентина Ковель, Сергей Юрский, Николай Трофимов, Николай Боярский, Владимир Татосов, Владимир Дорошев, Лидия Штыкан, Павел Панков, Рэм Лебедев, Юрий Аптектман... А какие авторы нам писали: Поляков, Ласкин, Хазин, Эрмдан!.. Еще находились под запретом знаменитые романы Ильфа и Петрова, а у нас некое “номенклатурное лицо”, облаченное в характерный “обкомовский” костюм, под популярную мелодию из “Волги-Волги” жаловалось Остпу Бендеру: “Я дурак обыкновенный, просто я — большой дурак. Я встречаюсь непременно тут и там, и так, и сак. Но вчера прочел в газете: “Нынче нету дураков”. Что же делать мне, ответьте, если я как раз таков?”..

— Не вызывали в Смольный?

— Однажды вызвали, но совсем по другому поводу. В 1957-м меня пригласили поставить концерт, который должен был состояться после торжественного заседания, посвященного 40-й годовщине Октября. Программа получилась “масштабная”, только хоров несколько, а продолжительность концерта строго определена. Кое-как все это выстроил, и вдруг — поражение: “Включить в концерт “Испанский танец” из “Лебединого озера”!” Почему? Зачем? Все уже смонтировано, проверено. Вызывают в Смольный, к самому Козлову, первому секретарю, будущему

секретарю ЦК. Пытаюсь объяснить: “Фрол Романович, концерт построен так, что “Испанский танец” никак не втиснуть”. Но “первый” рубанул по столу кулаком: “Товарищ Белинский, партия хочет видеть Заботкину!” И вопрос был решен.

— Когда впервые позволили выехать “за бугор”?

— Лишь в 1981-м, когда мне было уже пятьдесят три. Затем, спустя год, после Чехословакии, оказался в Монте-Карло. Ну, а потом стал ездить довольно часто, и все это благодаря Центральному телевидению. Правда, свой первый международный приз, “Золотую нимфу”, за “Записки сумасшедшего”, заслужил еще в 1967-м, но отправиться за ним в Монте-Карло мне не возволили. Получил эту “нимфу” только через четырнадцать лет! Дальше были другие награды, в том числе и Золотой приз Каннского фестиваля.

— Жанр фильма-балета открыли вы?

— Нет, Чарли Чаплин. Великий Чаплин заложил основу всего, что я сделал. Без моей маниакальной любви к Чаплину, без знания его фильмов ни за что бы не придумал “Галатею”.

— Ну, а между Чаплином и вами кто? Роббинс?

— Конечно: “Вестсайдская история”, “Скрипач на крыше”... Моя же заслуга, наверное, в том, что сделал этот жанр невероятно демократичным. Знаете, на старости лет у меня появился “синдром Красной Шапочки”.

— Что это за синдром?

— Жила-была девочка. Мама послала ее к бабушке. Серый волк и девочку, и бабушку съел. Потом охотник вспорол волку брюхо, и оттуда Красная Шапочка и бабушка высочились... С моей точки зрения, любой фильм должен иметь примерно такой пересказ, должен быть я с е н всем. Именно это пытался сделать и в “Старом танго”, и в “Галатее”, и в “Анюте”. К фильму-балету пришел сознательно: я устал от многословия. Мне кажется, что кино потеряло свою счастливую возможность — с помощью зрительного ряда раскрывать сюжет. Решил попробовать: хватит ли у меня фантазии все объяснить без помощи слов...

— Что ж, в кино вы оказались новатором. Ну, а в других видах искусства, культуры так же терпимы ко всему новому, “модному”?

— Совсем наоборот: к “модному” у меня идиосинкразия. Вообще на эту тему со мной лучше не говорить, потому что начинает чесаться кожа до волдырей. Я не могу слышать музыку Эдисона Денисова. Не могу читать прозу Андрея Вознесенского. Я застыл где-то на “Мире искусства” и не могу видеть абстрактную живопись: по-моему, ею занимаются непрофессионалы. Не могу читать стихи без размера — остановился на Борисе Леоновиче Пастернаке и раннем, явно недооцененном Евтушенко... Если на телеэкране рок-ансамбль, сразу выключаю: в музыке я остановился на Кальмане, Дунаевском, Гаврилине и Свиридове. Не могу видеть логарифмы и ребусы нынешней режиссуры. Велик Феллини, но так же ему подражают, выглядят жалко. Больше всего ненавижу в искусстве подобное кривляние, однако однажды, увы, сам оказался грешен: работая над фильмом “Незнакомка”, попытался сделать “под Феллини”. Мне стыдно за эту ленту, хотя она имела успех, даже международный... Да, подражательство “под великих” противно. Понимаете, написать “Мастера и Маргариту” имел право только Булгаков, потому что сделано это г е н и а л ь н о. Но когда Булгакову начинает подражать Орлов в “Альтисте Данилове” или все начинают писать в стиле “фантастического реализма”... “Фантастический реализм” изобрел один гений: нет, не Гофман, а Гоголь. И между Гоголем и Булгаковым — вакуум. Да, есть такое особое направление в нашей литературе — направление “Носа”, “Записок сумасшедшего”, второй части “Сорочинской ярмарки”, “Мастера и Маргариты”, и подражать ему можно лишь при одном условии: если обладаешь такой же мерой таланта. И так повсюду — в литературе, живописи, музыке, режиссуре...

— Как вы умудряетесь забивать свой рабочий день столь плотно?

— Никогда не понимаю, почему мне это ставят в заслугу. А что еще делать? Пить? Я не пью, хотя очень люблю. В гости ходить? Не выношу. Не хожу также на собрания, совещания, семинары и прочие подобные мероприятия. В театры, конечно, выбираюсь. Вот к Додину на “Бесов” собираюсь, хотя и жутко

длинный спектакль. Между прочим, очень хотел сыграть в его “Бесах”. Позвонил: “Лева, дай мне сыграть Степана Трофимовича Верховенского. Понадобится всего две репетиции”. Он смеется: “А как же быть тогда с Колей Лавровым?” Увы, роль уже занята... До этого с подобной же просьбой обратился однажды к Товстоногову: хотел сыграть Пиквика вместо Трофимова, во втором составе. Георгий Александрович тоже только смеялся. Так что моя актерская судьба явно не сложилась. Правда, иногда снимаюсь у Володи Бортко, да еще по телевизору разговариваю...

— Что ж, интерес к циклу ваших передач “Забитые ленты” велик.

— Обожаю это телевизионное общение со зрителем. Очень хочется рассказать людям то, что знаю. А знаю я, поверьте, немало. Правда, когда листаешь пятитомник Григория Михайловича Козинцева, чувствуешь себя таким невеждой.

— А новые фильмы с Максимовой и Васильевым будут?

— Это зависит только от них. Если перестанут мотаться по странам и континентам, если заглянут на неские берега, с радостью примусь снова за что-нибудь совместное.

— Легко с ними работать?

— С Васильевым не работа, а санаторий. Ну, а с максималисткой Катюшей... Катюшу я не просто люблю, я ее обожаю, но труднее, чем с ней, не бывает ни с кем.

— Ну, а среди драматических актеров есть у вас такие, о работе с кем мечтаете особенно остро?

— С Мариной Нееловой мечтаю поставить “Святую Иоанну” Бернарда Шоу, с Олегом Ефремовым — булгаковского “Дон Кихота”...

— Что сейчас читаете?

— Пронзительный роман Владимира Максимова “Заглянуть в бездну”. Правда, мне там не по душе то, что автор все время смыкает Петра Первого с большевиками. Будучи активным противником большевиков, по отношению к Петру я все-таки остаюсь большим поклонником... Книги — моя страсть. Если за день не прочтала ста страниц, выкидываю этот день из жизни.

— Есть ли поэтические строчки, которые особо запали в душу?

— Есть. Гениальное стихотворение Киплинга “Заповедь” в переводе Лозинского:

*Умей поставить, в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать,
как прежде,*

*И никогда не пожалеть о том...
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней немолчаливый бег, —
Тогда весь мир ты примешь,
во владенье,*

Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

— Где обычно проводите отпуск?

— Уже двадцать восемь лет — только в Щелькове, что под Кинсиной. Там, в бытность имени Александра Николаевича Островского, где теперь Дом творчества СТД, — земной рай: леса, тишина. Надеюсь, резные сагоны и...

— А на юг, к черноморским пляжам?

— Ой, не надо!

— То, что происходит сегодня в нашей жизни, в России, мешает творчеству?

— Живу верой. Солидарен с японцами в убеждении, что Россия будет самой богатой и счастливой страной.

— А отечественный фашизм?

— Не верю, что он придет к власти, не хочу в это верить. Потому что если так, то тогда надо уезжать. Но я уезжать не собираюсь...

Олег Басилавши говорит о нем: “Белинский — один из тех, от кого зависит наполнение театрально-художественной жизни Петербурга”. Алиса Фрейндлих: “Он столько знает! Столько видел! Столько помнит! Вот кто должен воспитывать студентов!” Валерий Гаврилин: “Если Александра Аркадьевича поместить даже в пустыню, то и там, наверное, сразу появится театр, кино, балеты, даже ракеты полетят...”

Да, звания и награды пришли к нему поздно: заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной премии России... Впрочем, добавили ли они галатеи что-то к его портрету? Ровным счетом ничего. Потому что у него есть и м я, которое не спутать ни с чьим другим. Потому что каждое мгновение своей бурной жизни Александр Аркадьевич Белинский удивительно умеет наполнять с м ы с л о м.

Вал беседу
Лев СИДОРОВСКИЙ